

А. А. Козловский

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ
ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ В IX—XIV вв.

Вопрос об этническом составе оседлого населения Южного Поднепровья очень сложен. В этом районе, начиная с эпохи «великого переселения народов» и заканчивая нашествием орд хапа Батыя в первой половине XIII в., мигрировали многочисленные племена и народы.

Для определения этнического состава населения Южного Поднепровья в IX—XIV вв. нами использованы известные элементы материальной культуры, письменные источники, а также антропологические данные.

Прежде чем перейти к непосредственной характеристике этнического состава населения Южного Поднепровья IX—XIV вв., хотелось бы отметить неравномерность информации различных источников.

Поскольку наша работа, главным образом, написана на археологических материалах, то основное значение при определении этнического состава населения мы придаем особенностям материальной культуры в различные периоды существования памятников.

Данные антропологии, имеющиеся в нашем распоряжении, малочисленны и слабо разработаны и поэтому могут служить только как вспомогательный источник.

Немногочисленные письменные из-

вестия, касающиеся интересующего нас района, также не могут быть основным источником и привлекаются лишь для уточнения тех или иных выводов, полученных в результате анализа особенностей материальной культуры.

Известно, что важное значение при определении этнических признаков играют погребальный обряд, а также такие особенности материальной культуры, как приемы домостроительства и керамический комплекс.

Набор украшений, оружие, бытовые предметы встречаются, обыкновенно, на широкой территории и имеют общий характер.

Определение этнического состава оседлого населения Южного Поднепровья мы будем проводить в соответствии с тремя выделенными нами хронологическими периодами¹.

Первый период охватывает IX—XI вв. Для этого времени характерны небольшие поселения с рядовой застройкой. Преобладающим типом жилища является полужемлянка с большой, прямоугольной в плане печью, расположенной в углу. Реже встречаются жилища с печью-каменкой. Жилища такого типа характерны для многих древнерусских памятников X—XI вв.² Исключением является жилище на поселении Первое Мая, где вместо

печи в углу находился открытый очаг, обложенный камнем. Жилища такого типа характерны для оседавших кочевников³. В частности, подобные жилища известны у племени салтовской культуры, которые начали переходить от кочевничества к оседлости⁴.

Вторым важным этническим признаком является керамический комплекс. Керамика IX—XI вв. Южного Поднепровья довольно своеобразна. Кухонная посуда по ряду признаков близка салтовским горшкам. Прежде всего это густой волнистый и линейный орнамент, нередко покрывающий всю или большую часть поверхности сосуда. Заметное сходство наблюдается и в профилировке венчика. Некоторые общие черты с салтовской керамикой наблюдаются и в формах сосудов. Так, округлобокие, с сильно отогнутым венчиком горшки, покрытые сплошной орнаментацией, имеют аналогии среди салтовских древностей. Сближает их с керамикой салтовского типа некоторая приземистость и широкодонность⁵.

Но ряд форм кухонных горшков, например банковидные сосуды с почти вертикальным венчиком, не характерны для салтовской культуры. Слабопрофилированные круглые горшки с небольшим отогнутым венчиком и горшки с высокими выпуклыми плечиками встречаются на некоторых славянских памятниках⁶, где они существовали в VIII—X вв.

Необходимо отметить, что сплошная орнаментация сосудов врезными волнистыми и горизонтальными линиями встречается на некоторых памятниках IX—X вв.⁷ и даже XI в.⁸ Но профилировка венчиков этих сосудов, по сравнению с южноднепровскими, более развита. Имеется также небольшое количество сосудов с редко расположенной линейной орнаментацией, что сближает их с древнерусской керамикой X—XI вв. Типичные для Древней Руси IX—X вв. горшки курганного типа в Южном Поднепровье встречаются редко, что свидетельствует об их привозном характере. Возможно, появление этой керамики связано с функционированием торгового пути «из варяг в греки».

Основным погребальным обрядом в этот период является труположение, исключение составляет лишь могильник с трупосожжениями у с. Петрово-Свистуново.

Среди могильников с труположениями прослеживаются черты языческой обрядности — наличие угольничков и керамики в некоторых погребениях у с. Первое Мая, наличие ножей и астргалов в ряде погребений у с. Ясиноватое. Грунтовые могильники с подобным обрядом встречаются как на территории Древней Руси⁹, так и на некоторых памятниках с разноэтничным населением, например в Белой Веже¹⁰.

Все вышеприведенные данные, по нашему мнению, могут свидетельствовать о разноэтничности населения, оставившего эти памятники. Смешанный состав населения подтверждается и антропологическими данными могильника Первое Мая. Череп из погребения № 1 относится к южному средиземноморскому типу и имеет аналогии не только среди славянского населения Среднего Поднепровья, но и среди аланского населения, оставившего салтовский могильник¹¹. Подтверждением присутствия в Южном Поднепровье представителей салтовской культуры является наличие здесь типично салтовских погребений. Салтовское погребение в катакомбе обнаружено в районе г. Днепропетровск (поселок Самаровка). Покойника сопровождали: характерный салтовский кувшин, горшок, сплошь покрытый линейно-волнистой орнаментацией, кости овцы*.

Некоторые авторы считают, что памятники Южного Поднепровья IX—XI вв. генетически связаны с пеньковской культурой и что население в этот период состояло из потомков пеньковских племен, среди которых осела часть алано-болгарских племен, впоследствии ассимилированных славянами¹². Вероятно, это была южная часть племен уличей.

Уличи нередко упоминаются в русских летописях. Чаще всего о них пи-

* Материалы хранятся в Днепропетровском историческом музее.

шут в связи с борьбой киевских князей за их подчинение. Так, под 885 г. Лаврентьевская летопись отмечает, что Олег «... с улочи и тиверци имяше рать»¹³. Бел с улочами борьбу и Игорь, чей воевода Свенельд взял город улочей Пересечен. Русские летописи по-разному указывают местонахождение улочей. Так, в Лаврентьевской летописи отмечается: «...а Улучи, Тиверци седяху по Днестру, приседяху к Дунаеви; бе множество их седяху бо по Днестру оли до моря, суть гради их до сего дне...»¹⁴. Новгородская летопись пишет: «И беше седяще Углице по Днепру внизъ и посемъ приидоша межи Бъгъ, и Днестр и седоша тама»¹⁵.

Б. А. Рыбаков на основе анализа летописных и археологических материалов дал хронологическую оценку истории улочей, получив поддержку у большинства исследователей. По этой теории во второй половине I тыс. н. э. улочи занимали Южное Поднепровье, доходя на западе до Южного Буга, а на юге — до моря. Печенежское нашествие отодвинуло улочей к северу, где, вероятно, в начале X в. был построен Пересечен. В 930-х годах, после упорной борьбы с киевским князем, улочи передвинулись на запад в междуречье Буга и Днестра к тиверцам¹⁶. Последнее подтверждается и археологическими материалами. Так, в верховьях Южного Буга известны славянские памятники X—XI вв.¹⁷

Но не все улочское население покинуло Южное Поднепровье. По-видимому, переселились племенная верхушка и дружина, а часть сельского населения осталась.

Таким образом, в Южном Поднепровье в IX—XI вв. существовала культура, имеющая ряд сходных черт со славянскими и салтовскими памятниками. Особенность этого района заключается в том, что здесь эти черты как бы законсервировались и продолжали существовать более длительное время по сравнению с основными территориями салтовской культуры и древней Руси.

Существование такой своеобразной смешанной культуры отражает разнородность населения данного района.

Древнерусское население IX—X вв. представлено потомками племен улочей и оседавшей части алано-болгарских племен, передвинувшихся из района Дона под натиском печенегов.

Второй хронологический период охватывает XII — первую половину XIII в. Для этого периода характерны поселения различных размеров. Планировка главным образом кучевая. Основным типом жилища остается полужемлянка со стенами столбовой или бесстолбовой конструкции. Однако отопительное устройство несколько видоизменяется. Вместо большой, прямоугольной в плане глинобитной печи появляется небольшая подковообразная в плане печь. Значительно реже встречаются печи-каменки и жилища с открытым очагом. Очаги помещаются как в одном из углов жилища, так и в центре.

Топография поселений, планировка и конструктивные особенности полужемлянок с небольшими глинобитными печами имеют аналогии среди древнерусских памятников XII—XIII вв.¹⁸ Жилища с открытым очагом в центре или в углу более характерны для кочевников.

Керамический комплекс в этот период изменяется. В значительном количестве появляются тонкостенные горшки конической формы с отогнутым наружу венчиком и загибом края вовнутрь, украшенные по плечикам врезным орнаментом из горизонтальных или волнистых линий; сосуды для хранения припасов, столовая посуда. Все эти формы характерны для древнерусских памятников XII—XIII вв.

Многочисленные аналогии среди древнерусских материалов имеют изделия из металла: наральники и лемехи, топоры, тесла, резцы, ножи с костяными и деревянными ручками, железные цилиндрические замки, огниво, часть оружия.

В значительной степени сходны и украшения: стеклянные браслеты, перстни, бусы, металлические витые и ложновитые перстни и браслеты, серьги, в том числе и трехбусинные киевского типа, лунницы, бубенчики, нательные крестики.

К особенностям Южного Поднепровья относятся наличие керамики

местных типов с архаическими чертами, преобладание прясел из стенок сосудов, существование, наряду с глинобитными печами, открытых очагов и печей-каменок.

Погребенный обряд в этот период стабилизируется. Судя по наиболее полно исследованным могильникам, захоронения производились по христианскому обряду. Погребенные, как правило, лежали вытянуто на спине, головой на запад. Большинство известных нам погребений безы Inventарные. Только в немногих встречаются украшения и предметы одежды. Лишь в одном могильнике в погребениях зафиксированы орудия труда и оружие.

Безы Inventарные или с бедным инвентарем труположения в ямах или в гробах, ориентированные головой на запад с различным положением рук, характерны для ряда древнерусских могильников XII—XIII вв.¹⁹

Таким образом, мы видим, что материальная культура, конструкция и планировка жилищ, погребальный обряд имеют много общего с памятниками XII—XIII вв., распространенными на основной территории древней Руси.

Однако известен ряд элементов материальной культуры, не имеющих аналогий среди древнерусских памятников. К ним относятся: наличие на памятниках Южного Поднепровья сабель — типичного оружия кочевников; стрел, имеющих аналогии среди кочевнических древностей; находки некоторых кочевнических украшений.

Кроме того, на этих поселениях прослеживаются некоторые черты материальной культуры, характерные для предшествующего периода — наличие керамики, по тесту и форме близкой к керамике IX—XI вв., а также пряслиц из стенок сосудов, что не характерно для древнерусских памятников этого времени.

Таким образом, исходя из данных материальной культуры, имевшей неоднородный характер, можем говорить о смешанном населении, оставившем эту культуру. Поскольку многие элементы материальной культуры не имели местной подосновы (керамика, характерная для Среднего Поднепровья, большая часть украшений), то очевидно, что эти

элементы появились в Южном Поднепровье вместе с их носителями — переселенцами из Среднего Поднепровья²⁰.

Миграция населения из Среднего Поднепровья происходила, по-видимому, из-за усиления феодального гнета в Древнерусском государстве и изменения политической обстановки в Южном Поднепровье в связи с успешными походами русских князей против половцев в XII — начале XIII в.

Известны два вида миграций — переселение больших групп населения и переселение сравнительно небольших групп, преимущественно отдельных семей²¹. В данном случае речь идет о втором виде миграции, представлявшей собой растянутый процесс.

Но переселенцы из Среднего Поднепровья пришли не на пустое место, здесь оставалась некоторая часть населения, жившего в IX—XI вв. Об этом, в частности, свидетельствуют преемственность некоторых типов местной керамики, некоторые конструктивные особенности жилищ.

Определенное влияние на этнический состав населения оказали и окружавшие их кочевники. В связи с феодализацией и обеднением часть половцев от скотоводства переходила к земледелию. Оседали кочевники обычно по берегам рек, на местах длительных ежегодных зимовок²². Оседая на берегах Днепра, кочевники вступали в контакт с местным земледельческим населением и, по-видимому, попадали под сильное влияние, перенимая от него и навыки земледелия, и более высокую материальную культуру.

Между оседавшими на землю половцами и мигрировавшими из Среднего Поднепровья переселенцами могли возникать и родственные связи. В пользу высказанного предположения говорит и тот факт, что наиболее подвижной группой при любых миграциях были мужчины, а недостаток женщин восполнялся за счет местного населения²³. Сказанное подтверждается и этнографическими данными. Так, при переселении на Терек русского населения, состоявшего в основном из мужчин, последние нередко вступали в брак с представительницами местных горских народов²⁴. Однако заметного влияния

на этнический состав местного населения половцы, очевидно, не оказали.

Подводя итог, можно сказать, что главным элементом среди населения Южного Поднепровья в XII — первой половине XIII в. были славяне — выходцы из Среднего Поднепровья, которые смешались с жившими здесь потомками славян — уличами и алано-болгарами, часть населения, возможно, была половецкого происхождения.

Третий период охватывает вторую половину XIII—XIV в. Известно, что в первой половине XIII в. все южнорусские степи были захвачены ордами Батыя. Однако часть южноднепровских поселений пережила золотоордынское нашествие и продолжала существовать во второй половине XIII—XIV в.

Главный свой удар орды Батыя обрушивали на военно-административные центры, а стоящие в стороне небольшие поселения, которые не представляли для них опасности, они не трогали²⁵. В Южном Поднепровье наиболее пострадали крупные поселения. Так, на поселении Игрень 8, занимавшем, очевидно, одно из центральных мест среди надпорожских поселений по ремесленному производству и торговле, отсутствуют материалы, датируемые второй половиной XIII в. В то же время расположенное рядом небольшое поселение Игрень (Подкова) продолжало существовать. Частично разрушено и поселение Днепровское. В отдельных жилищах прослежены следы сильного пожара. Но жизнь на поселении продолжалась, хотя размеры его значительно сократились. Об этом свидетельствуют погребения XIII—XIV вв., перекрывающие жилища XII—XIII вв.

Значительно уменьшилась территория правобережного Кичкасского поселения. Из 17 раскопанных жилищ лишь в трех найдены материалы, свидетельствующие, что они бытовали во второй половине XIII в.

Во второй половине XIII—XIV в. наблюдаются изменения в материальной культуре. Увеличивается количество отопительных устройств в виде открытого очага, что свидетельствует, по нашему мнению, об увеличении кочевнического элемента среди населения.

В этот период значительно сокраща-

ется импорт из Среднего Поднепровья, главным образом изделий из стекла и шифера. Зато появляются вещи, характерные для золотоордынских памятников: изделия из кашинной керамики (посуда, пуговицы, бусы); возрастает количество серег в виде знака вопроса; появляются золотоордынские монеты XIII—XIV вв. и наконечники стрел.

Некоторые изменения наблюдаются и в погребальном обряде. По сравнению с предыдущим периодом увеличивается количество погребений с вещами. При этом, кроме личных украшений и предметов одежды, в погребениях встречаются орудия труда и оружие. Во многих погребальных сооружениях находят камни. Перечисленные особенности, по нашему мнению, связаны с изменениями в этническом составе населения Южного Поднепровья.

О неоднородности населения в этническом отношении свидетельствуют и антропологические данные, происходящие из могильников XII—XIV вв. у сел Каиры, Каменка, Благовещенка.

Изучение черепов из Каирского могильника показало, что они однородны и характерны для населения европеоидного типа. Среди женских черепов прослеживается незначительная примесь монголоидных черт. Хронологически близки к черепам Каирского могильника черепа из большого кургана возле Саркел, что особенно заметно в женской серии. В славянских могильниках этого времени антропологические параллели с Каирским могильником отсутствуют. Автор антропологических исследований считает, что вопрос об этнической принадлежности Каирского могильника еще не решен²⁶.

Антропологические материалы из Каменского могильника исследовались Т. С. Кондукторовой²⁷, которая отмечает, что в целом серия черепов Каменского могильника довольно однородна и характерна для населения европеоидной расы. Монголоидные черты прослеживаются лишь в виде незначительной примеси. Больше всего монголоидность выражена в женских черепках. Наиболее близкие аналогии — среди черепов Зливинского могильника и Большого кургана у станции Цимлянской. Т. С. Кондукторова отмечает так-

же близость серии к некоторым черепакам из золотоордынских городов, а также к черепакам из курганов Букеевской степи²⁸. В славянских могильниках этого времени антропологические параллели с типом Каменского могильника отсутствуют. По мнению Т. С. Кондукторовой, данные антропологии не позволяют отнести каменцев к славянам или половцам. Наиболее вероятными являются параллели с аварами (или болгарями).

Э. А. Сымонович считает, что население, оставившее Каменский могильник, — это «потомки древнего населения степей», ассимилированные кочевниками²⁹. По мнению С. А. Плетневой, могильник был оставлен группой яссов, продвинувшейся под давлением кочевников с Дону в Приднепровье. Основной признак, связывающий эту группу с местным населением, С. А. Плетнева видит в антропологической близости их черепов с черепами Зливкинского могильника, а влияние кочевников отражено в инвентаре. Изменение погребального обряда исследовательница объясняет принятием этой группой населения христианства³⁰.

Антропологические материалы Благовещенского могильника также однородны, однако в женских черепах более заметны черты монголоидности*. С. И. Круц считает, что черепа Благовещенского могильника по своим признакам близки к черепах Каирского и Каменского могильников.

Как видим, антропологический анализ свидетельствует о смешанном составе населения Южного Поднепровья во второй половине XIII в.

Антропологи, изучавшие материалы из вышеописанных могильников, отмечают значительное сходство женских черепов. Так, Г. П. Зиневич подчеркивает, что женские черепа из Каменского и Каирского могильников сходны до идентичности³¹, а мужские — имеют ряд отличий.

Большой интерес для понимания изменений, происходивших в этническом составе населения южнорусских степей, имеет могильник Лимбарь, раскопан-

ный в Молдавии И. Г. Хынку. Могильник грунтовой, без следов насыпей. Всего обнаружено 96 погребений и 4 захоронения животных. Преобладала западная ориентация погребенных, несколько ориентировано на север (или северо-восток и юг). Скелеты лежали на спине, ноги вытянуты, положение рук неустойчивое. Большая часть погребений безынвентарна. Лишь в 25 % погребений обнаружены вещи. Среди них: топор, стремена, железные ножи, пряжки, кольца, серьги, пряслица. В двух погребениях найдены керамические сосуды. Могильник датируется XII—XIV вв.³² Антропологический анализ проведен М. С. Великановой³³.

Было исследовано 40 черепов. Серия в целом европеидная, в ее сложении участвовало два компонента — долихокраний (или мезодолихокраний) и брахиокраний. Мужские черепа явно отличаются от черепов средневекового славянского населения этой области, известного по могильнику X—XI вв. возле с. Бранешты. Это отличие в равной мере относится и к славянскому населению всех других областей. Женские черепа по краниологическому типу очень близки к славянским.

Таким образом, мужские черепа из Лимбарь и Бранешты различны, а женские сходны³⁴.

В антропологическом отношении мужские черепа из Лимбаря близки к мужским черепах из Каменки. В этническом отношении пришедшая часть средневекового населения местности Лимбарь, по мнению М. С. Великановой, является потомками переселившихся «болгарских» групп салтово-маяцкого населения юго-востока Европы³⁵.

Как видим, в антропологическом отношении мужской компонент на южно-днепровских могильниках Каиры, Каменка, Благовещенка и на молдавском Лимбарь очень близки между собой. Все исследователи антропологического материала этих могильников отмечают их близость к потомкам салтово-маяцких племен, в частности, к их болгарской группе. Женский компонент из этих могильников различный в обоих районах. В Молдавии он имеет явно выраженные славянские черты, а на южно-днепровских могильниках наблюдает-

* Анализ антропологических материалов проведен С. И. Круц в ИА АН УССР.

ся наличие монголоидных черт. Близок у этих могильников и погребальный обряд — наличие украшений, предметов одежды, изредка орудий труда, оружия, керамики, костей животных.

Появление этих могильников, по нашему мнению, связано со значительным передвижением различных племен и групп в связи с золотоордынским завоеванием южнорусских степей. О переселении ряда групп населения, в частности, в район Днепра и Днестра во время нашествия орд Батыя пишет и Г. А. Федоров-Давыдов³⁶. Как известно, орды Батыя при своем продвижении вбирали в свои ряды значительную часть покоренных народов. Собственно монголов в южнорусские степи пришло немного³⁷. Перед приходом в Поднепровье и Молдавию орды Батыя покорили Волжскую Булгарию и аланов в Предкавказье. По-видимому, какая-то часть этих покоренных народов передвинулась и в южнорусские степи. Возможно, что, осев в Южном Поднепровье и в Молдавии, именно они оставили вышеописанные могильники. Этим же может быть объяснено появление в этих могильниках мужских захоронений, антропологически близких к болгарам.

Таким образом, этнический состав населения Южного Поднепровья во второй половине XIII—XIV в., по сравнению с предыдущим периодом, стал более сложным. Здесь продолжало оставаться население, проживавшее в предыдущий период, и, по-видимому, осела часть кочевников, выбитых из привычных условий существования нашествием орд Батыя.

Косвенным свидетельством сложного этнического состава населения в Поднепровье в середине XIII в. является упоминание Плано Карпини о том, что начальником одного из селений, расположенного ниже Канева, был алан³⁸.

По-видимому, население Южного Поднепровья и после золотоордынского нашествия продолжало вести прежний образ жизни: обслуживали переправы через Днепр, занимались сельским хозяйством, ремеслом. По Южному Поднепровью проходил путь из Руси к соляным озерам, где, по наблюдению Ру-

брука, добывали соль³⁹. Интересно также замечание Рубрука о том, что «важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляется просо и мука. Бедные добывают себе это в обмен на баранов и кожи»⁴⁰. Не исключено, что в этом обмене с кочевниками принимали участие в южноподнепровские поселения. Описывая поселения, расположенные в местах переправ через Дон и Волгу, Рубрук отмечал, что население поселков на Волге было смешанным и состояло из русских и сарацинов⁴¹.

Подводя итог определению состава оседлого населения Южного Поднепровья, можно отметить, что во все периоды IX—XIV вв. население в этническом плане был неоднородным. Исходя из особенностей материальной культуры, можно прийти к выводу, что значительную часть населения составляли славяне. Особенно это заметно в XII — первой половине XIII в.

В состав населения Южного Поднепровья входили и оседавшие на землю кочевники. Наиболее активно этот процесс происходил в IX—XI вв. и во второй половине XIII—XIV в., что объясняется социальными факторами — феодализацией кочевнического общества и, как следствие, обнищанием части кочевников, а также влиянием соседних земледельческих народов⁴².

Кроме социальных причин, оседанию кочевников на землю могли способствовать и политические события. Вторжение печенегов привело к частичному вытеснению алано-болгарских племен с Дона и Северского Донца. Лишенная привычных средств существования, часть этих племен могла осесть в Южном Поднепровье и заняться земледелием. Подобный процесс мог произойти и при вторжении в южнорусские степи орд Батыя. При этом осесть на землю могли как разоренные нашествием местные кочевники-половцы, так и какая-то часть представителей покоренных народов, захваченных движением орд Батыя.

Как отмечалось, все поселения Южного Поднепровья находились за укрепленными границами древней Руси. Если для древней Руси характерно наличие городищ, строительство которых вызы-

валось необходимостью защиты от кочевников и внутренней феодальной борьбой, то в Южном Поднепровье городища не известны.

По мнению ряда исследователей, во время переселения улчей в X в. с Днепра в междуречье Южного Буга и Днестра переселились племенная верхушка и дружина, а на Днестре осталась часть сельского населения, продолжавшего заниматься земледелием и скотоводством⁴³.

В последующий период основной приток населения шел со Среднего Поднепровья, что было вызвано усилением феодальной эксплуатации крестьян и ослаблением власти кочевников. Основным элементом, прибывавшим в Южное Поднепровье, были беглые крестьяне и, возможно, ремесленники.

Древнерусское государство уже с IX в. стремилось держать в своих руках днепровский торговый путь и Северное Причерноморье, что хорошо прослеживается уже в первых договорах Руси с Византией. Особенно четко это отражено в договоре 944 г. А. Н. Сахаров, подробно проанализировавший договор, считает, что в некоторых его статьях отразилось признание греками за сферой влияния Руси низовий Днестра и Северного Причерноморья⁴⁴.

О важном значении Южного Поднепровья для Древнерусского государства свидетельствует тот факт, что киевские князья всегда стремились держать в своих руках Олешье — важный в стратегическом и торговом отношении город в устье Днестра, пресекая все попытки своих противников захватить его⁴⁵. По-видимому, под контролем Киева находился и другой стратегически важный пункт — остров Хортица, служивший местом сбора русских войск перед их походами против кочевников⁴⁶.

Власть киевских князей на население Южного Поднепровья не распространялась, хотя контроль над днепровским торговым путем всегда находился в их руках⁴⁷. По-видимому, отношения жителей Южного Поднепровья с центральной властью были лояльными, так как они оказывали помощь при прохождении торговых караванов и, возможно, при передвижении русских дружин. Кроме того, из района Южного Подне-

провья в Киев могла поставляться рыба, промысел которой был широко развит среди местного населения.

Значительный интерес представляет вопрос взаимоотношения оседлого населения с кочевниками.

Прежде всего необходимо отметить, что само положение южноднепровских памятников, находившихся в окружении кочевников, относительная немногочисленность оседлого населения, отсутствие искусственных укреплений (естественными убежищами могли служить плавни, байрачные леса, а также островное расположение части поселений) свидетельствуют о мирных отношениях с кочевым миром.

Кочевники могли допустить существование этих поселений лишь при том условии, что они не только не угрожали им, а, наоборот, входили в сферу их влияния и даже приносили кочевникам известную выгоду. Прежде всего — продукты земледелия. На южноднепровских поселениях земледелие было довольно высоко развито, что позволяло получать значительное количество зерна.

Ряд данных свидетельствует о том, что кочевники получали от оседлого населения и ремесленные изделия: украшения, керамические изделия, медные котлы. О последнем, например, свидетельствуют найденные остатки производства медных клепаных котлов на трех южноднепровских поселениях. Причем интересен тот факт, что поселения Игрень 8 и Игрень (Подкова), где обнаружено их производство, расположены рядом, то есть изготавливать такие котлы для внутреннего пользования было нецелесообразно. По-видимому, большая часть котлов шла на продажу кочевникам. Отметим, что котлы подобного типа известны среди кочевнических древностей⁴⁸.

Некоторые поселения могли быть центрами посреднической торговли привозными товарами, о чем, в частности, свидетельствуют находки значительного количества амфорной керамики. Кроме того, жители поселений, расположенных в местах переправ, содействовали перевозу через Днепр как кочевников, так и купцов. Кочевникам было выгодно поддерживать торговые пути,

проходившие через их земли, поскольку, по мнению С. А. Плетневой, половецкие ханы получали от торговли значительные доходы и даже в случае войны не препятствовали проезду через их территорию купцов⁴⁹.

Таким образом, взаимоотношения оседлого населения Южного Поднепровья с кочевниками были в основном мирными и основывались на взаимных экономических интересах. Однако подобные отношения устанавливались в периоды стабилизации кочевников в южнорусских степях. Но в периоды войн и крупных перемещений кочевых племен оседлому населению угрожала опасность, что вело к его уменьшению.

Рассматривая этнический состав оседлого населения Южного Поднепровья и его взаимоотношения с кочевниками и Древнерусским государством, нельзя не коснуться отношения этого населения к бродникам.

По мнению большинства исследователей, бродники представляли собой разнотническую массу, проживавшую в землях, неподвластных древней Руси⁵⁰. В их состав входили русские, половцы, потомки алано-болгар. Этим признакам соответствует и население Южного Поднепровья. Поэтому мы, вслед за другими исследователями, считаем, что район Южного Поднепровья входил в ареал проживания бродников. В какой-то мере сказанное подтверждается и данными русских летописей, упоминающих бродников в этом районе⁵¹.

Как видим, на протяжении IX—XIV вв. в Южном Поднепровье проживало оседлое разнотническое население, ведущую роль в котором играли славяне. Оседавшие на землю кочевники воспринимали более высокую культуру славян и, в свою очередь, не могли оказывать на славян заметного влияния.

¹ Козловский А. А. Оседлое население Южного Поднепровья в IX—XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1982, с. 3.

² Рапорт П. А. Древнерусское жилище.— САИ, 1967, вып. Е1—32, с. 123—124.

³ Нечаева Л. Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э.—I тыс. н. э.).— В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 49.

⁴ Плетнева С. А. От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 142, с. 58.

⁵ Ляпушкин И. И. Памятники салтовско-маяцкой культуры в бассейне р. Дона.— МИА, 1958, № 62, с. 108.

⁶ Пеняк С. I. Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI—VIII ст.— К., 1980, с. 135.

⁷ Гунало К. М., Толочко П. П. Давньокіівський Поділ у світлі нових археологічних досліджень.— В кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 73.

⁸ Седова М. В. Ярополч Залесский.— М., 1978, с. 92.

⁹ Там же, с. 69—71.

¹⁰ Артамонов М. И. Саркал—Белая Вежа.— МИА, 1958, № 62, с. 79—82.

¹¹ Брайчевська А. Т. Древньоруські пам'ятники Дніпрівського Надпоріжжя.— АП, 1962, т. 12, с. 172.

¹² Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.).— К., 1975, с. 174—175.

¹³ Лаврентьевская летопись (ПСРЛ). Спб., 1846, т. 1, с. 10.

¹⁴ Там же, с. 5.

¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.— М.; Л., 1950, с. 109.

¹⁶ Рыбаков Б. А. Уличи.— КСИИМК, 1951, вып. 35, с. 17.

¹⁷ Хавлюк П. I. Древньоруські городища на Південному Бузі.— В кн.: Слов'яно-руські старожитності. К., 1969, с. 156—173.

¹⁸ Юра Р. О. Древній Колодяжин.— АП, 1962, т. 12, с. 8.

¹⁹ Седова М. В. Указ. соч., с. 67—71.

²⁰ Сміленко А. Т. Указ. соч., с. 189.

²¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография.— М., 1973, с. 36.

²² Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62, с. 188—190.

²³ Великанова М. С. Палеоантропология Пруско-Днестровского междуречья.— М., 1975, с. 123.

²⁴ Заседателева Л. Б. Терские казаки.— М., 1974, с. 288—289.

²⁵ Довженко В. И. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 79.

²⁶ Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины.— Киев, 1976, с. 153—158.

²⁷ Кондукторова Т. С. Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника.— СА, 1957, № 1, с. 55—59.

²⁸ Там же, с. 56—57.

²⁹ Сымонович Э. А. Погребения X—XI вв. Каменского могильника.— КСИИМК, 1956, вып. 65, с. 106.

³⁰ Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы..., с. 185.

³¹ Зиневич Г. П. Указ. соч., с. 158.

³² Хынку И. Г. Памятники балкано-дунайской культуры X—XIV вв. лесостепной полосы Молдавии.— В кн.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968, с. 111, 112.

³³ Великанова М. С. Указ. соч., с. 91—113.

³⁴ Там же, с. 114—121.

³⁵ Там же, с. 131.

³⁶ Федоров-Давыдов Г. Б. Кочевники Во-

сточной Европы под властью золотоордынских ханов.— М., 1966, с. 153.

³⁷ Там же, с. 157.

³⁸ *Плано Карпини. История Монголов.*— В кн.: *Плано Карпини Иоан де. История Монголов. Рубрук Вильгельм де. Путешествие в восточные страны.* Спб., 1911, с. 45.

³⁹ Там же, с. 68—69.

⁴⁰ Там же, с. 75.

⁴¹ Там же, с. 96.

⁴² *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение.*— М.; Л., 1950, с. 19.

⁴³ *Сміленко А. Т. Указ. соч.*, с. 176.

⁴⁴ *Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси (IX—первая половина X в.).*— М., 1980, с. 247—248.

⁴⁵ *Лаврентьевская летопись*, с. 88; *Ипатьевская летопись.*— Спб., 1843, с. 2, с. 86 (ПСРЛ).

⁴⁶ *Пашуго В. Г. Внешняя политика Древней Руси.*— М., 1968, с. 85, 217.

⁴⁷ *Толочко П. П. Киевская земля.*— В кн.: *Древнерусские княжества X—XIII вв.* М., 1975, с. 15.

⁴⁸ *Шевцов М. Л. Котлы из погребений средневековых кочевников.*— СА, 1980, № 2, с. 195.

⁴⁹ *Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы.*— с. 191.

⁵⁰ *Плетнева С. А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время.*— КСИА АН СССР, 1964, вып. 99, с. 32; *Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии.*— М., 1966, с. 176—179; *Сміленко А. Т. Вказ. праця*, с. 90.

⁵¹ *Троицкая летопись.*— Спб., 1846, т. 1, с. 218 (ПСРЛ).